

ИЗ ПОЧТЫ “ОНС”

*И.Л. ПРОХОРЕНКО***Национализм, сепаратизм, терроризм****(Размышления над книгой С. Хенкина и Е. Самсонкиной)**

В тексте рассматривается изложенная в книге концепция баскского конфликта. Анализ его ключевых точек (соотношение территории и этничности, множественности идентичностей, взаимоотношения центра и периферии) позволяет авторам монографии выделить условия, при которых происходят политизация и деполитизация “периферии”.

Ключевые слова: испанская нация, сепаратизм, территория, идентичность, этнотерриториальная идентичность, баскский терроризм, право на самоопределение.

The text examines a concept of Basque conflict presented in the monograph. Its key points analysis (correlation of territorial community and ethnicity, multiplicity of identities, centre – periphery relationships) admits the monographers to distinguish conditions under which politicization and depoliticization of “periphery” takes place.

Keywords: Spanish nation, separatism, ethnic and civil nationalism, territory and identity, Basque terrorism, right to self-determination.

Как показывает опыт, в современном мире социально-политическая конфликтность приобретает наибольшую интенсивность и длительность, если в ней присутствует этнотерриториальная подоплека. Восприятие подобного конфликта его участниками оказывается крайне болезненным: стороны обычно неуступчивы, не склонны к компромиссам и намереваются “идти до конца”. В таком контексте фундаментальное изучение ситуации в Стране басков, С. Хенкиным и Е. Самсонкиной в книге “Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы” выходит за рамки испанистики, поскольку дает повод лишний раз подумать над проблемой политизированной этничности, а также опытом (и путями) смягчения напряженности в обществе, порождаемой столкновением принципов этнотерриториального самоопределения и национального единства.

В современном испанском государстве – “государстве автономий” так называемый “конституциональный конфликт” – главная форма стратегии взаимодействия центра и семнадцати автономных сообществ [Прохоренко, 2010, с. 43–61]. Баскская проблема предстает здесь как один из регионально-националистических конфликтов в Испании. Однако не в каждом подобном конфликте присутствует сепаратистская, а тем более террористическая компонента. Сложность баскского вопроса состоит в переплетении национализма, сепаратизма и терроризма. Она обуславливает трудности достижения консенсуса между центральным правительством в Мадриде и властями, политическими силами и населением региона в вопросе о будущем Страны басков в политическом пространстве испанского государства. Прежде всего должен быть найден компромисс в вопросах разработки и принятия нового автономного статута Страны басков¹ и поиска альтернативных путей окончательного решения проблемы наци-

¹ Автономные статуты – основные правовые акты каждого автономного сообщества (региона) Испании, регулирующие уровень их самоуправления, институциональной организации и компетенции.

оналистического терроризма и возможного возврата легального статуса организациям, в той или иной форме связанных с ним.

Пониманию природы этнорегионального конфликта как такового помогает в первую очередь экономический анализ ситуации в изучаемом регионе. Промышленная революция в XIX в. превратила Страну басков, наряду с Каталонией, в передовую индустриальную “периферию” полуфеодальной, преимущественно аграрной, Испании. В XX в. эти различия из дуалистических превратились в более диверсифицированные, но определяющим фактором все равно оставалось противостояние традиционных структур с сохранением доиндустриальных отношений и структур, возникших в результате модернизации.

Естественно, территориальное разнообразие Испании – не исключительное явление. Однако именно здесь оно сыграло особую роль и в истории нации, и в определении самосознания испанцев, которые издавна ощущали и продолжают ощущать сильную привязанность к местности, где они родились, – к своей “малой родине”. Этому чувству способствовало как лингвистическое, так и природно-географическое разнообразие страны: ее контрастные рельеф и климат, отсутствие природной системы коммуникаций изначально вели к естественному обособлению провинций и регионов. Исторически Испания складывалась как сообщество христианских королевств на Пиренейском полуострове (*las Españas*). Каждое из них имело опыт самостоятельной борьбы с арабскими завоевателями и обладало широкой автономией по отношению к Кастилии – одному из наиболее крупных государственных образований, занявшему центральное место в формировании испанской монархии. Во многом благодаря традициям, в том числе и традициям старинных вольностей – *фуэро*² (в частности, в ведении регионов остались местное самоуправление и законодательство, налогообложение, таможенные границы), региональная специфика не была ассимилирована в процессе становления единой испанской нации. И регионализм (не в традиционной для Европы лингвистической разновидности, а в этнорасовом варианте) остался одной из наиболее ярких черт испанского общества [Хенкин, Самсонкина, 2011, с. 21–27].

Для любой страны, где сильны региональные различия, задача укрепления взаимоотношений между центром и периферией приобретает особо важное значение. Ренановский “ежедневный плебисцит”, о котором впоследствии подробно говорил Х. Ортега-и-Гассет, характеризуя природу нации вообще, оказался для испанской нации не пустой фразой. “Единая и разная”, она была изначально поставлена перед жизненно важной для себя задачей поиска наиболее адекватной формулы сохранения своего единства [Ортега-и-Гассет]. Отсюда становится понятной особая роль государства – интегрирующего стержня и гаранта единства нации перед лицом центробежных настроений регионов.

При изучении регионального сепаратизма очень важно знать, имеет ли он этническую компоненту. В испанском варианте этот вопрос крайне специфичен³: этническая идентичность предстает как комплекс представлений о принадлежности к конкретному региональному сообществу, об общих интересах, возникающих в связи с совместным проживанием, с функционированием в его пределах политических институтов и пр. Процессы централизации и унификации национального государства оказались не в силах нивелировать территориальные идентичности – они поддерживают разнообразие в единстве в рамках единого политического пространства. Его структуре ныне соответствует Конституция страны, юридически закрепившая существование “государства автономий”. Тем самым политическая нация отказалась от прежней формулы жестко централизованного унитаризма, провозгласив уравнивающие друг друга принципы единства и автономии. Основной закон предоставил провинциям, имеющим территориальную, историческую, культурную и экономическую общность, право на самоуправление. Таким образом, было образовано 17 региональных автономных сообществ не по этническому принципу, а в соответствии (в целом) с прежним делением страны на провинции и исторические области.

Испанский опыт показателен и тем, что региональное сознание не есть нечто изначально и жестко заданное фактом рождения в определенной местности. Организация политического пространства в этой стране интересна не только возможностью изменений в территориальной идентификации, но и реальностью обретения испанцами “множественной идентичности” (см. [Хобсбаум, 2005, с. 50–51]). Можно родиться в одном месте, проживать – в другом, учиться – в третьем, найти свою “вторую половину” – в четвертом, и т.д. При этом множественная само-

² *Фуэро*, как и аналогичные португальские *форалы* или французские *кутюмы*, – документы обычного права, которые регламентировали отношения населения региона с центральной властью.

³ В этой стране не существует народов-этносов в нашем, советском/российском, понимании, равно как нет там и особого доминирующего народа и противостоящих ему национальных меньшинств (см. [Кожановский, 2011]).

идентификация жителей Испании сочетается с ощущением себя также европейцами, частью западного сообщества, гражданами испаноговорящего мира и т.д.

Тем не менее пути самоидентификации человека с территорией в ситуации, когда в данном сообществе присутствует этнический компонент, очень часто способствуют превращению территориального сообщества в сообщество политическое, в силу чего и создаются предпосылки и условия для “политизации периферии” (термин С. Роккана и Д. Урвина) [Rokkan, Urwin, 1982]. Возникшая на рубеже XIX–XX столетий баскская националистическая идеология с самого начала приобрела воинствующе агрессивный клерикальный характер: ее чертами стали консерватизм, тенденция к изоляционизму, антииспанизм. Известная географическая удаленность Страны басков, пограничное положение и малая доступность этой области Иберийского полуострова, некоторая ее замкнутость, архаизм, который до самого последнего времени характеризовал быт и менталитет басков, развили в местной культуре осознание не просто самобытности, но даже исключительности. Поэтому, если баскская знать традиционно была лояльна Мадриду, а буржуазия в известной мере подверглась кастилизации, то крестьянство – основное население этих провинций – стало социальной основой карлистского движения⁴.

В этой связи особое значение приобретает исследование закономерностей взаимоотношений центра и регионов, в частности выделенной авторами болезненной реакции первого на “свободолюбие” вторых. Именно рост сепаратистских и регионалистских движений в Стране басков и Каталонии, предоставление им на рубеже XIX–XX вв. ограниченной автономии, а также успехи других регионов в борьбе за аналогичные права в период Апельской республики (1931–1933 гг.) стали одной из причин устойчивости в Испании XX в. военно-монархических диктатур: М. Примо де Ривера, а затем Ф. Франко. Угроза сепаратизма казалась многим испанским государственным и политическим деятелям куда опасней коммунистической. Свидетельство тому – ставшее хрестоматийным высказывание Х. Кальво Сотело – лидера правых монархистов и министра экономики в правительстве Примо де Ривера, что он предпочел бы Испанию расчлененной.

Важно отметить, что “если в политической и культурной сферах баски подвергались жестокой дискриминации, то в экономическом плане населенные ими провинции были одними из самых процветающих в Испании. В годы франкизма баскский капитализм сохранил свою роль лидера испанской экономики” [Хенкин, Самсонкина, 2011, с. 125]. Однако настойчивое желание руководства страны видеть в любом проявлении национальных чувств выступление против режима и тенденции к сепаратизму привело к обратному эффекту: появлению движения за автономию не только в Каталонии, Стране басков, Галисии, но и по всей Испании как части оппозиции франкизму. При этом демократия в глазах противников диктатуры подразумевала и предоставление территориальной автономии. Подъем региональных чувств во франкистский период объясняется причинами политического характера и известной неприязнью непосредственно к Мадриду, который стал при Франко своеобразным символом авторитаризма и избыточной централизации власти.

Политическая активизация баскской молодежи в унисон с ростом антифранкистского движения по всей стране во многом объясняет появление в конце 1950-х гг. феномена ЭТА⁵. Политический проект этой организации основывался на идее, что эускади (баски) представляют собой нацию, из чего вытекало естественное их право на самоопределение и создание не зависимо от Испании государства. К концу периода франкизма ЭТА переходит к активным террористическим действиям, превратившись в военизированную организацию левого толка [Хенкин, Самсонкина, 2011, с. 142–185].

В послефранкистский период созданные на территориальном уровне новые политические институты, региональные элиты и бюрократия стали своеобразным “катализатором” формирования региональной идентичности с определенным этническим подтекстом, чему способствовала и формула Конституции 1978 г. “национальности и регионы”. Усилия элит по конструированию коллективной идентичности в установленных границах регионов проявляются в поддержке региональных политических партий, процессов культурной дивергенции региона на общем политическом пространстве государства, фактически ставящих своей конечной целью политическую дифференциацию.

⁴ Карлисты (апостолики) – политическая партия Испании, принявшая в XIX в. активное участие в трех гражданских войнах. На стороне карлистов выступали преимущественно низшие слои населения, руководимые духовенством, и жители северных, главным образом, баскских провинций, подозрительно относившихся к централизаторским и отчасти либеральным стремлениям мадридского правительства.

⁵ ЭТА – аббревиатура с баскского: *Euskadi ta Askatasuna*, что означает: “Эускади (самоназвание Страны басков) и свобода”.

Региональные власти, партии, общественные движения, другие политические акторы играют главную роль в становлении и развитии территориальной идентичности. Добиваясь решения поставленных задач в отношениях с центром, они зачастую облекают свои требования в этнические термины, считая подобный выбор политической стратегии наиболее успешным. Благодаря этому территориальные идентичности дополняются новым содержанием и видоизменяются. Территория становится, таким образом, субъектом политики идентичности.

Итак, регионализм и даже сепаратистские движения, – в известном смысле объективная реальность. Но общество и государство могут вполне успешно противостоять данному феномену, содействуя, как минимум, его постепенной дерадикализации, нейтрализации его идеологических и организационных основ. К слову, 20 октября 2011 г. ЭТА объявила об окончательном отказе от вооруженных методов борьбы. Это означает, что институализация этнотерриториального конфликта в рамках демократического политического пространства способствует снижению его интенсивности, несмотря на то, что, как в случае со Страной басков, в нем исторически присутствовала террористическая вооруженная группировка.

Таким образом, подробное исследование баскского конфликта, вне всякого сомнения, предоставляет возможность сравнительного изучения регионально-националистической конфликтности в различных странах (и не только в европейских) и обсуждение путей и способов их разрешения. Испанский опыт помогает переосмыслить взаимоотношения между центром и регионами в современном государстве, природа которого существенным образом меняется под влиянием процессов экономической и политической глобализации и региональной интеграции. Не будем забывать, что региональные власти сегодня становятся все более активными и влиятельными акторами и макрорегиональной, и национальной, и мировой политики.

При этом важно то, какими путями государство может формировать или видоизменять территориальную идентичность в регионах, налаживая взаимодействие с местными и региональными элитами по вопросам управления, бюджетного финансирования, организации хозяйственной деятельности, образовательного процесса, социальной политики в условиях децентрализации и передачи управленческих функций с государственного на региональный уровень. Научные изыскания в этом направлении, безусловно, будут значимы и для нашей страны, с точки зрения дальнейшего поступательного развития российского федерализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кожановский А.Н. Кто населяет “баскские провинции” Испании? (территориальный и этнический аспект “баскского вопроса”) // Общественные науки и современность. 2011. № 6.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс (<http://bookap.info/sociopsy/ortega/gl21.shtm>).

Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М., 2010.

Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. М., 2011.

Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4(49).

Rokkan S., Urwin D. The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism. London, 1982.

© И. Прохоренко, 2012

Сдано в набор 16.04.2012

Подписано к печати 25.05.2012

Формат бумаги 70 × 100^{1/16}

Офсетная печать

Усл. печ.л. 14,3

Усл.кр.-отт. 5,8 тыс.

Уч.-изд.л. 18,5

Бум.л. 5,5

Тираж 397 экз.

Зак. 276

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049

Издатель – Российская академия наук. Издательство “Наука”: Профоюзная ул., 90, Москва, 117997

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»: Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099